

Марсель Жуандо

Эти господа

Перевод

Татьяны Источниковой

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

Marcel Jouhandeau
Ces messieurs

Редактор: Дмитрий Волчек

Обложка: Алексей Кропин

Верстка: Полина Кручёных

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

*В оформлении обложки использована фотография
Роберта Франка «Тюльпан». Париж, 1951*

ISBN 978-5-98144-166-0

© *Editions Lilac, 1951*

© *KOLONNA Publications, 2019*

*«Без дурных намерений не поднимешься
так высоко».*

*В самом деле, без слабости,
которая вынуждает совершать подвиги
и добиваться почестей, позволяющих
ее скрыть, жизнь большинства людей была
бы невероятно унылой.*

– Нам нужно поговорить, Адель. Бог послал нам детей не в награду, а в испытание. Юбер горбунья, Проспер идиот... но я не жалею. Я всегда и во всем был первым, я умру более богатым, чем родился, – богатым настолько, что это уже становится обременительным, – а ты всегда была первой красавицей. Что ты думаешь о Мартене Морисэ?

7

– Он лучший из наших работников.

– А что ты скажешь, если я вытащу его из нынешнего прозябания и сделаю своим компаньоном, а после моей смерти он будет вести дела нашего торгового дома и разделять прибыль с тобой и детьми? Морисэ знает их с рождения. Он крестный отец Юбер, он был снисходителен ко всем недостаткам Проспера, он всегда обращал убытки в прибыль. Я не так хорошо представляю себе его натуру и характер, как его коммерческую ценность, но у меня нет никаких дурных предчувствий на его счет. Сколько я его помню, он всегда проявлял ко мне глубокое почтение – и тебе с детьми будет предан как никто другой.

– Всё, что ты делаешь, хорошо, друг мой.

*

8 Подписав контракт, Мартен Морисэ, простой коммивояжер, ставший равноправным партнером своего хозяина, ничуть не изменил свой образ жизни. Только до сих пор никто в сущности и не знал, как он живет. Но теперь им заинтересовались.

Тесная квартирка, в которой он обитал уже более двадцати лет, выходила окнами на площадь Вогезов. Вместе с ним жили служанка по имени Августина, женщина почтенного возраста, и молодой человек лет двадцати пяти, выросший под его кровом. Кем он приходился своему попечителю, разменявшему седьмой десяток, было точно не известно.

– Говорят, друг мой, что это его племянник, сын одной из его сестер, которая слишком бедна, чтобы его воспитывать.

– Я всегда знал, что у него доброе сердце.

*

Невысокого роста, чуть полноватый, Мартен Морисэ обладал не слишком примечательной внешностью, за исключением ярких бирюзовых глаз и маленьких пухлых рук, слишком белых для него, словно инородных –

когда он жестикулировал, они одни казались освещенными изнутри. Его темные костюмы, безусловно скроенные, отвечали его маниакальному пристрастию к порядку и одновременно стремлению достичь элегантности при ограниченных (до недавних пор) средствах.

Все его жесты были сдержанными, слова – простыми, а тон – ровным, но в них ощущалось природное величие; его речи были мягкими и в то же время торжественными, словно у проповедника – даже среди мешков перца и имбиря он казался епископом *in patribus**, и каждый при виде его невольно искал глазами подходящие ему посох и митру, как будто вглядываясь в очевидные, но не сразу распознаваемые детали картинки-загадки.

При этом в нем не было ничего наигранного, никакой фальши – он действительно обладал врожденным достоинством. Никому не пришло бы в голову заподозрить его в низком происхождении и примитивном образовании. Его внешний вид и манеры свидетельствовали о привычке к хорошему столу, но в то же время об осознанной с некоторых пор необходимости следить за собой. Вместе с ней появилась легкая меланхолия, словно прозрачная вуаль, наброшенная на неизменный оптимизм.

* В чужих краях (лат.)

10 Когда о создании совместной торговой фирмы Буйассон-Морисэ объявили официально, всем стало очевидно, что дела Буйассона не слишком хороши и что ни его сын не способен ему наследовать. Зато престиж Морисэ возрос многократно. Отныне все наперебой старались сблизиться с ним. Торговцы и комиссионеры с Центрального рынка, самые известные негодянты из Марэ, высокопоставленные чиновники из мэрии и префектуры осаждали и обхаживали его целыми днями. Вскоре все заметили, что если его приглашают на обед или ужин, когда он один, то он неизменно отказывается, и напротив, если его сопровождает юный Лен Трюмель, которого в таком случае приглашают вместе с ним, – всегда принимает приглашение.

Лен Трюмель удостоился чести принадлежать к старинной протестантской семье, однако его показной пуританизм выглядел едва ли не шокирующим в сочетании с женоподобным ужимками и эксцентричной манерой одеваться, являвшими разительный контраст с неизменной сдержанностью Мартена Морисэ. Кроме того, если настойчивое стремление старшего наставника придать облику Лена внешний лоск еще приносило свои плоды, то речевые промахи молодого человека не могли вызвать ничего, кроме сдержанных

улыбок: он мог сказать «редижировать» вместо «дирижировать» или назвать Стентора* Центавром. Морисэ в такие моменты всегда воздерживался от любых критических замечаний и не выказывал ни малейшего смущения или недовольства – ни разу на его лице не дрогнул ни один мускул, словно он был глух или абсолютно безмятежен. Порой казалось, что он всю жизнь добивался успеха и почета лишь затем, чтобы невозбранно появляться всюду в сопровождении своего странного подопечного, манерой держаться чем-то напоминающего викария, а телосложением – мальчика из церковного хора, которого он, возможно, решил возвысить до себя только ради того, чтобы принизить рядом с ними обоими всех остальных. Во всяком случае, для тех, кто при всем расположении к нему самому относился к его спутнику с явным или скрытым пренебрежением, последствия могли оказаться скверными.

II

*

Когда они принимали гостей у себя, те не могли не замечать ни взглядов, которыми они постоянно обменивались, сидя один напро-

* В древнегреческой мифологии – один из героев, осаждавших Трои, обладавший громким голосом, способным заглушить пятьдесят обыкновенных голосов.

тив другого, ни ролей, которые они явно распределили между собой, ни всей той игры, которую они неустанно поддерживали – то ли с удивительной наивностью, то ли с невиданным бесстыдством. Лен, принявший на себя обязанности хозяйки дома, занимался сервировкой и переменной блюд, тогда как его компаньон оставался в роли благосклонного наблюдателя за обеденным церемониалом, ограничиваясь лишь замечаниями по поводу быстроты и правильной последовательности тех или иных действий. Если воспитанник справлялся со всем безупречно, Морисэ аплодировал ему, словно актеру в театре, – и только в этот момент гости понимали, что от них требуется принять участие в этом спектакле в качестве зрителей, чтобы он мог продолжаться. В то время как самый почетный из них, обычно сидевший по правую руку от Лена, среди общих рукоплесканий невольно задавался вопросом, не разыгрывают ли его таким образом, – все остальные были слишком заняты обедом и не настолько озабочены вопросами чести, чтобы посчитать себя оскорбленными. Они предпочитали закрывать глаза на происходящее, предоставляя событиям идти своим чередом.

*

Впрочем, хотя гости приноравливались к такого рода испытанию без особого замеша-

тельства или недовольства, в этой атмосфере легкой непристойности они смутно чувствовали, что попали в какой-то переплет. Это косвенно подтверждалось и изменившимся отношением окружающих к завсегдатаям званых обедов Мартена и Лена – появилась некоторая предубежденность. Однако хозяева дома демонстрировали столь твердую и оттого еще более трогательную решимость быть выше любых пересудов, что скандальные эпизоды проходили будто незамеченными.

13

*

Была ли тому причиной смелость или искусность маневров Морисэ – но все его друзья, знакомые и деловые партнеры к моменту смерти Буйассона-старшего приняли связь с Леном как данность, не особо задаваясь вопросом, на чем, собственно, она основана. Тот круг, в котором вращалась эта пара, состоял из людей слишком занятых, чтобы позволить себе роскошь праздного любопытства. Ни лучшие, ни худшие свойства человеческой натуры не вызывали интереса у этих торговцев и банкиров. Когда работа отнимает большую часть жизни, она заменяет мудрость. Делу время, потехе час; что же касается злословия и тем паче клеветы – это занятия для досужих сплетников. Когда у вас

нет времени на пристальное изучение вещей неоднозначных или непривычных, вы отворачиваетесь от них – независимо от того, велики они или ничтожны. В пользу такого добровольного отказа можно сказать, что замкнувшийся в своей заурядности тем самым побуждает себя к сдержанности, с которой она отчасти схожа; что это свойство отчуждает его не только от возвышенного, но и от низменного – остается лишь безмятежность, точнее, та разновидность безразличия или снисходительности, что способствует терпимости в равной мере к дурным и чересчур строгим нравам. Каждый имеет право на частную жизнь без постороннего надзора и вмешательства, а человеку с повадками богатого дельца окружающие готовы предоставить такое право даже охотнее. В данном случае властный характер и значительное состояние Мартена Морисэ давали ему все права, одновременно лишая остальных права его судить; но и без того никому бы не пришло в голову обвинять его или оправдывать – с деловыми интересами это никак не было связано. Его рассудительность, его познания – результат более чем полувекового опыта коммерческой деятельности в Париже – служили залогом доверия к нему и в том, что касалось всего остального, позволяя, в частности, закрывать глаза на не вполне понятный аспект его личной жизни, который, в конце концов, касался только его. Оказавшись перед выбором – полностью принять Морисэ или полностью

его отвергнуть, остальные предпочли не задерживать внимание на этой единственной детали, чтобы лишний раз не испытывать замешательства, а просто допустить ее, отнеся на счет оригинальности – бесспорно, выдающейся, а для оптового торговца пряностями и вовсе невиданной. Достаточно было не говорить о ней, не намекать на нее и избегать о ней даже думать.

15

*

Многие молодые люди из хороших семей, чьим отцам свойственна чрезмерная власть, навсегда застревают в детстве. Конечно, при ином подходе к воспитанию Проспера Буйассона он смог бы, постепенно знакомясь с ведением дел в той среде, к которой принадлежал по рождению и в которой вырос, компенсировать полное отсутствие природных способностей ежедневным впитыванием знаний и накоплением опыта, со временем перерастающего в укорененные привычки, – но вместо этого его отец, щадя собственное самолюбие, из-за которого ему было невыносимо наблюдать за постоянными промахами сына и краснеть за него перед окружающими, предпочитал держать его вдали от себя и от дел, чем только усиливал его неуверенность. Больше заботясь о репутации своего торгового дома, чем о судьбе своего потом-

ства (которому, как он в глубине души был убежден, от него передалось крайне мало), и, возможно, опасаясь, как бы убожество последнего не омрачило великолепия первого, Буйассон-старший столь искусно подвел Проспера к тому, чтобы полностью устранить от дел и во всем положиться на него, что опеку Мартена Морисэ Проспер принял с такой же легкостью, как прежде – отцовскую: он точно так же переложил все заботы на его плечи, отчего Морисэ, для того чтобы стать единственным хозяином, оставалось лишь копировать – без всякого злого умысла и без особого стремления повелевать – отцовскую манеру своего бывшего патрона; разве что в его обращении с подопечным было больше показного уважения и внутреннего презрения.

*

Однако не всё еще было достигнуто, не всё завоевано. Проспер был женат, и с его женой, неглупой и энергичной особой, приходилось считаться. Вначале она потребовала себе право присутствия в головной конторе на улице Бриз-Миш, но вскоре отказалась от своих претензий, согласившись, что они противоречат общественным устоям. Однако за этой уступкой последовала ее попытка пристроить в контору в качестве

секретаря мужа своего отца, старшего офицера в отставке; она полагала, что ей самой не дали хода из одного только женоненавистничества. Но когда добряк Сен-Пье появился в конторе, его встретили с ничуть не большей почтительностью, чем его дочь, и, не давая времени даже оглядеться, сунули под нос документ, подписанный Буйассоном-старшим и его компаньоном и запрещавший принимать родственников любого из них на работу в качестве торговых представителей, рядовых служащих и кого бы то ни было еще без согласия второй стороны. В данном случае Мартен Морисэ не дал своего согласия и даже не со-
благоволит объяснить причину отказа.

17

*

Тем временем Лен, уже давно сбежавший из позументного магазинчика на бульварах, где он стоял за прилавком скорее от скуки, теперь с утра до вечера пребывал в конторе на улице Бриз-Миш, и Проспер Буйассон вынужден был терпеть этого непрошеного гостя, привыкшего бесцеремонно располагаться между Морисэ и им самим в директорском кабинете. Всякий раз, когда Морисэ не осмеливался сказать о чем-то Буйассону напрямую, он говорил об этом, обращаясь к Лену, – иногда шепотом, а иногда и вслух. Двое против одного всегда одержат верх,

тем более если он глуп или слаб. При малейшем промахе Проспера они фыркали, а когда он, побежденный, сдавался, – торжествовали. Поэтому он всё чаще впадал в отрешенное состояние, близкое к небытию.

18

В довершение всего, после того как управляющий персоналом (которого Морисэ с самого начала решил убрать с должности, как «не своего» человека) подал прошение об отставке, Лен занял его место. Теперь Проспер не находил покоя уже и в собственном доме. Его мать, сестра, семья Сен-Пье единодушно возмутились таким положением дел, но Морисэ отклонил их протесты как безосновательные: в самом деле, Лен Трюмель не состоял с ним ни в близком, ни в дальнем родстве. Из предосторожности Морисэ даже поселил молодого человека отдельно, хотя время от времени тот продолжал гостить под его кровом.

*

Отныне Мартен Морисэ и Лен Трюмель встречались по утрам в конторе, и ближе к полудню Морисэ звонил своему подопечному из одного кабинета в другой, приглашая пообедать.

Всякий раз, когда между двумя главными партнерами возникали какие-то разногласия, их спор всегда происходил под насмешливым

взглядом Лена, который не упускал случая вмешаться, если только заранее не получал инструкций, предписывающих молчание. Противник, осаждаемый справа и слева, почти не сопротивлялся. Одна только манера двух сообщников говорить о нем либо друг с другом в его присутствии, либо с конторскими служащими или поставщиками, являла собой оскорбление. Подобного обхождения, сделавшегося постоянным, человек более сильный, чем Проспер, скорее всего, не смог бы выносить так долго. Однако его слабохарактерность, безволие, природная застенчивость, приправленная развившейся со временем склонностью к самоумалению, защищали его надежнее, чем могла бы сделать любая агрессивность. Он был почти сломлен; но чтобы довести дело до конца, нельзя было действовать слишком явно и прямолинейно, чтобы не вызвать общественного осуждения. Скандал нанес бы ущерб деловой репутации Морисэ, поэтому его поведение в обществе оставалось безупречным – ни одного неверного шага, ничего, что могло бы умалить симпатии и почтение окружающих. Единственная их претензия звалась Лен Трюмель; но даже вызываемые молодым человеком раздражение и неприязнь были на руку Морисэ, поскольку оттеняли его собственные обходительные манеры и обаяние, которые неизменно побуждали деловых партнеров идти на уступки.

*

20 Тем не менее однажды произошел инцидент, который едва всё не погубил. Один из самых безропотных складских рабочих, на которого Лен за что-то взелся, в ответ на угрозу последнего «Или уволится он, или я!» – заявил во всеуслышание в присутствии полусотни человек:

– Да и пускай эта фифа проваливает!

*

После этого случая положение Лена стало более уязвимым, его влияние пошатнулось. Напрасно он пытался придать себе весомости, степенности – чем более скупыми и менее вызывающими становились его слова, жесты, детали костюма, тем больше двусмысленности проявлялось во всей его манере, в телодвижениях, самих очертаниях тела, вздымающейся груди, изгибе позвоночника; вдобавок его голос становился всё более высоким, порой достигая верхнего регистра флейты. Между собой служащие теперь называли его не иначе как «Патронесса».

Подобная сплоченность давала Просперу некоторые шансы отыграться, но Морисэ был начеку. Он решил побыстрее вывести

Лена из игры и оставить его при себе в качестве личного секретаря. Вскоре после этого он нанял в качестве управляющей персоналом одну набожную старую деву, против которой семейство Буйассон не смогло возразить, поскольку она была их близкой знакомой. С помощью этого назначения, казалось, восстановившего отношения двух партнеров и уравнившего их влияние, Морисэ планировал постепенно изменить штат своих сотрудников, который Томасине Белюш было поручено обновить, в предписанном темпе и очередности. Он весьма рассчитывал на силу словесного убеждения мадемуазель Белюш, а также на ее знакомства в католических благотворительных обществах и рукодельных мастерских, откуда она могла набрать вместо прежних смутьянов новых работников – послушных и к тому же ей обязанных. Таким образом, она будет надежно держать их в руках, а ему останется лишь управлять ими через нее, пребывающую, в свою очередь, в полной его власти. Радуюсь, что сумел усыпить подозрения семьи Буйассон одним лишь присутствием в конторе их доброй знакомой, Морисэ одновременно надеялся с помощью предупредительности, знаков внимания, лести и подарков, на которые он не скупился, расположить к себе Томасину и вытеснить из ее сердца прежних друзей.

Лишенная чрезмерных амбиций, мадемуазель Белюш довольно быстро поняла, что от нее требовалось в сложившейся ситуации, пусть даже основная суть происходящего от нее ускользала. Тем не менее она ни в чем не изменила свою привычную манеру поведения, поскольку ее первейший и неизблемый принцип гласил: никогда не вмешиваться в частную жизнь других людей, какова бы та ни была. Заняв свое нынешнее место благодаря отменной репутации, теперь она стремилась лишь к тому, чтобы заслужить еще больше уважения как со стороны тех, кто принял ее на службу, так и со стороны тех, кто отныне ей подчинился, и оттого являла собой образец исполнительности, пунктуальности и всецелой преданности своей работе. И руководители, и подчиненные буквально не сводили с нее глаз, поневоле замороженные ее образом, схожим с воплощением Долга. Но поскольку у нее было двое начальников – Проспер Буйассон и Мартен Морисэ – она не могла не задаваться вопросом, кому из них должна служить более ревностно. Довольно быстро и без особого труда она выяснила, в чьих руках сосредоточены вся власть и богатство, а кто по сути не владеет ничем. С этого момента, хотя она ни в коей мере не пыталась действовать в ущерб второму и неизменно оказывала ему должное по-

чтение, ввиду укоренившейся привязанности к его семье, – она полностью перестала интересоваться им и обратила все свое внимание на другого, пытаясь отыскать в его характере какую-то слабость. Какие пристрастия, какие тайные склонности были у Мартена Морисэ? Умная и наблюдательная, а также никогда не оставляющая без внимания то, что говорили ей сердце и чувства, она вскоре заметила, что если для прочих сотрудников существует только Морисэ, то для него самого существует только Лен Трюмель. Этого загадочного Третьего Томасина Белюш решила расположить к себе, и одновременно расположить к нему всех тех людей, кто был под ее началом. Пожалуй, нигде гений Мартена Морисэ не проявился столь полно, как в выборе этой женщины на должность управляющей.

23

*

Впрочем, нельзя сказать, не рискуя оказаться превратно понятым и прослыть несправедливым, что Лен Трюмель сознательно делал из себя посмешище или что в нем было нечто, изначально вызывающее презрение. Его фигура и манеры не внушали окружающим доверия – но кто мог знать, что происходило в глубинах его души? Его телосложение, в силу некоторой очевидной несуразности, служило мишенью для нескончаемых гру-

бых шуток откровенно физиологического свойства, – но не было ли оно результатом какой-то врожденной деформации, в которой он не был виноват и к которой его характер не имел никакого отношения? Его физические недостатки словно бы подтверждали в глазах окружающих его былые порочные наклонности – но был ли он по-прежнему им привержен? Может быть, теперь он пытался стереть само воспоминание о них? Увы! из всех видов памяти наиболее стойкая – память плоти, и следы безрассудных юношеских опытов остаются неизгладимыми и после того, как человек полностью преобразуется морально – либо с годами, либо мгновенным усилием воли или под воздействием благодати вновь обретая гармонию с Природой и даже становясь прежним в глазах Бога, который может всё, кроме одного – полностью изменить наше лицо за один день. Во всяком случае, в словах Лена не было ничего, что могло бы как-то намекнуть хотя бы на тень порока. Свои обещания и свою работу он всегда выполнял добросовестно, в общей беседе мог разгорячиться, если только она грозила перейти в спор. Разве что оставаясь без поддержки достойного собеседника или любого молчаливого союзника, он становился слишком похожим на собственную карикатуру, отчего невозможно было не смеяться над ним или не думать о нем предосудительно. С этим он не мог ничего поделать – никому не удалось от этого удержаться или хотя бы не делать

этого в его присутствии. По счастью, во всем мире не нашлось бы человека менее склонного к злословию и более нечувствительного к иронии, чем Томасина Белюш, и с ее появлением в конторе Мартен Морисэ явил очередное доказательство своего управленческого гения: он без колебаний перевел Лена из своего кабинета в одну комнату с ней, где они разместились напротив друг друга, каждый за своим столом.

25

*

Томасина Белюш не понимала шуток, и никакие насмешки не могли бы подействовать на нее; впрочем, один ее вид исключал самую мысль о них. Каким-то таинственным образом она отражала их еще на дальних подступах, обращая зубоскальство в почтительность. За все свои сорок пять лет она, кажется, ни разу не засмеялась, а улыбалась лишь раз в неделю – по воскресеньям. Респектабельность, как и властность, приобретает долгими усилиями, тщательно выработанным душевным спокойствием и внутренней уверенностью, строгой самодисциплиной, самоограничением, привычкой никогда не расслабляться душевно и физически. Эти невидимые доспехи сами по себе не придают исключительности, но порой создают для нее опору или предрасполагают к ней.

Страдая от заброшенности и ревнуя к почестям, которыми окружили его новоявленную соседку, Лен Трюмель пытался понять, чем они обоснованы, и в конце концов пришел к выводу, что не так важны самые лучшие намерения и безупречная жизнь, как репутация высокоморальной особы, «ореол святости», обретаемые лишь показным благочестием; что если не заявлять во всеуслышание о своей приверженности официально господствующей религии, никто и не подумает признавать ваших моральных заслуг. Ваше обращение к вере заметят лишь в том случае, если вы начнете трубить об этом на каждом углу. Вдохновленный этой мыслью, он вспомнил о своей крестной матери, которую не видел с детства, жене местного пастора, довольно известного. Он навестил ее и поведал о своем решении встать на путь честного христианина. Прием, который оказали ему в домовой часовне в ближайшее после его визита воскресенье, вернул и даже укрепил его былое самомнение. Пастор не стал напоминать ему притчу о блудном сыне и вместо этого прочел в его честь главу из Деяний апостолов: «И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ её, приезжавший в Иерусалим

для поклонения...»^{*}. Домой он вернулся с грузом «духовной» литературы и в понедельник, придя в контору, положил на свой рабочий стол поверх приходно-расходных книг один из новообретенных трудов, название которого – «Вифания, или О близости с Господом» – не укрылось от зорких глаз Томасины.

*

От этого зрелища Томасина Белюш, внутренне ликуя, на некоторое время застыла в благоговейном молчании, а затем взглянула на Лена с такой горячей симпатией, что он мысленно поздравил себя за столь точно рассчитанный ход. Впервые в жизни кто-то принял его всерьез – тем паче что мадемуазель Белюш была не просто «кто-то». Он чувствовал себя, как мог бы чувствовать зверь, которого люди всегда считали низшим существом, но в один прекрасный день вдруг решили причислить к роду человеческому. Конечно, ему предстояло преодолеть еще многие опасности на пути к завоеванию расположения Томасины, поскольку, хотя Священное Писание было для них общим, они принадлежали к разным Церквям; однако Томасина, логичная, умная и рассудительная, более приверженная сути, чем форме, осно-

* Деян 8:27.

ве, чем обрамлению, морали, чем догме, – вполне способна была поставить христианство выше католицизма и – в определенных обстоятельствах – добро выше истины. Она была способна даже на самые великодушные уступки, воздавая должное «еретикам» за их твердость в вере, душевную чистоту и строгость нравов – всё то, в чем они превосходили ее единоверцев, – хотя превосходство своей доктрины оставалось для нее незыблемым. Обсудив все имеющиеся между ними разногласия по религиозным вопросам, Томасина и Лен пришли к заключению, что они, как никто другой, заслуживают права считать себя доброй католичкой и добрым гугенотом, коль скоро смогли вместе обнаружить и распознать общее для них обоих: источник духовного совершенства.

В итоге они настолько хорошо поладили друг с другом, что отныне не только их ноги то и дело соприкасались под столом, но и некий благочестивый ореол, казалось, осеняет их обоих, сомкнувшись над их головами. Случайно увидев их склонившимися друг к другу, нельзя было с уверенностью сказать, обсуждают ли они цифры и расчеты в рамках своих служебных обязанностей или же погружены в религиозные диспуты.

Уважение, которое проявляла к Лену Томасина, постепенно расположило к нему и всех остальных. Невозможно было, увидев, сколь она любезна с этим молодым человеком, не выдать ему тут же неограниченный

кредит доверия. Под покровом набожности, которая способствует снисходительности окружающих, любые отклонения от природного естества, любые странные ситуации имеют шанс остаться незамеченными.

*

29

С другой стороны, благодаря присутствию женщины между Мартеном Морисэ и Леном, уже ничто не шокировало окружающих в отношениях «этих господ», как называла их сама Томасина, – этого наименования (которое в любых других устах прозвучало бы комично) оказалось достаточно, чтобы сделать благопристойным то, что не являлось таковым, и приемлемым то, что на первый взгляд казалось подозрительным. Ее тон был столь серьезен, что вызывал невольное почтение к упомянутым ею лицам. Мартен Морисэ, ни разу в жизни не одураченный никем и ничем и использовавший в своих целях всех и вся, с удовольствием ей подыгрывал. Каждый год после пасхальной мессы он не упускал случая заверить Томасину в своей горячей приверженности католической церкви и посетовать на то, что «этот еретик» Лен не разделяет их веру. Впрочем, он чаще говорил «патарен»*,

* *Патарены – еретическое религиозное движение в Северной Италии XI–XIII вв.*

зная, что теснее всего людей связывает использование в разговорах своего особого тайного словаря. В итоге между тремя нашими персонажами установилась хотя и неявная, но неподдельная близость, принесшая им двойную выгоду: во-первых, она избавила Лена от бывшего всеобщего презрения, и во-вторых, вызвала сильнейшую ревность семейства Буйассон, поскольку Томасина, постепенно ставшая кем-то вроде экономки в обители двух холостяков, вынужденно отдалилась от своих прежних друзей и, как они подозревали, стала в большей степени защитницей интересов их торгового партнера, нежели их собственных.

В те дни, когда Морисэ принимал гостей, именно Томасина занимала почетное место напротив него за столом, а по правую руку от нее – словно для того, чтобы окончательно прекратить пересуды, – без особых церемоний располагался пастор Меринг.

*

Вновь сподобившись благодати с помощью крестной матери, Лен сблизился и со своей родной семьей, с которой не поддерживал отношений последние десять лет. С этих пор квартиру на площади Вогезов осаждали его многочисленные кузины, все как на подбор благотворительницы и некоторые даже

визионерки. Ошеломленной прислуге оставалось только сожалеть о тех благословенных временах, когда «эти господа» довольствовались лишь обществом друг друга. Венцом всего стало внезапное появление диакониссы, постоянно распевавшей “Nunc dimittis”^{*} и обнимавшей Лена с уверениями, что она держала его на коленях совсем маленьким и принимала деятельное участие в его воспитании. С комичной напыщенностью объявляя себя его «второй матерью», она тут же требовала, чтобы он признал одну из ее дочерей, его ровесницу, своей молочной сестрой. Невозможно было найти в сдержанной и суровой протестантской общине более навязчивой и шумной особы. В довершение всего она заставляла всех называть ее «Тетушка Бонтэ»^{**}. Занимаясь исключительно чужими делами, она с утра до вечера воодушевляла свою паству бесконечными рассуждениями о милосердии. Всё это еще можно было выносить, но только до тех пор, пока речь не заходила о Папе, кардиналах и епископах. Как только одна из этих тем всплывала в разговоре, тетушка Бонтэ превращалась в разъяренную фурию, требующую кровавых жертв.

Разумеется, невозможно было полностью избавить мадемуазель Белюш от контактов со столь агрессивной особой, но, будучи предупрежденной, Томасина держалась стойко.

* «Ныне отпускаеши...» (лат.)

** От французского *bonté* – «доброта».

К тому же Лен, как правило, мог успокоить тетушку, говоря:

– Своим возвращением в лоно протестантизма я обязан не кому иному, как доброй католичке мадемуазель Белюш, которую ни Папа, ни все его кардиналы и епископы не помешают мне считать столь же благочестивой христианкой, как вы.

32

*

Отныне Мартену Морисэ лишь оставалось, время от времени небрежно оглядевшись вокруг, выбрать среди наиболее уважаемых людей тех, кого он считал достойными к себе приблизить; благодаря расположению Томасины, с одной стороны, и пастора Меринга – с другой, все его амбиции были удовлетворены. Более того – сам архиепископ уже не считал зазорным для себя принимать приглашение к «этим господам». Теперь все называли их так, с легкой руки Томасины Белюш – в их собственном торговом доме, в их квартале, в полицейской префектуре, в мэрии. Они были «эти господа» – как некогда холостяки из Порт-Ройяль или приходские священники, пользующиеся всеобщим расположением и почтением. Этому всеобщему лицемерию, этой повальной лести семейство Буйассон не могло ничего противопоставить, и даже в своем собственном доме

они не могли претендовать больше ни на что: «эти господа» отняли у них не только их дело, не только всеобщее уважение, но и последних оставшихся друзей.

*

33

И вот настал момент окончательного триумфа двух «этих господ» – юного новоиспеченного святоши и почтенного негоцианта, главы самого крупного в Париже торгового дома, занимающегося поставкой пряностей. У обоих были семьи, деловые и личные отношения, надежный персонал, идеально вышколенная прислуга, нанятая благодаря Томасине Белюш, и, наконец, сама Томасина – нечто среднее между ангелом-хранителем и крестной феей. Увы! все эти блага зачастую пробуждают гнев Немезиды, ибо никогда не кажутся их обладателям достаточными. Первый сердечный приступ Мартена Морисэ не убил его, но побудил составить завещание, согласно которому все его имущество отходило Лену.

*

С этого дня начались бесконечные хождения вдовы Буйассон от изголовья Мартена Морисэ к апартаментам своего сына и об-

ратно – пока, наконец, мадемуазель Юбер, разодетая в пух и прах, не соблаговолила принять от Лена предложение руки и сердца. «Горбунья так горбунья – это не помешает тебе стать хозяйкой торгового дома». – «Даже не сомневайся!». Мартен Морисэ еще успел купить поместье для будущих супругов в Коан-Камбрези; это был его свадебный подарок. Бракосочетание отпраздновали в узком кругу. Венчание состоялось в домашней часовне пастора Меринга и затем – в церкви Святого Евстафия. После этого состоялся званый обед, на котором присутствовали все сколько-нибудь заметные представители банковского и торгового Парижа. Стоит ли удивляться, что на следующий день Мартен Морисэ официально отошел от дел и отныне владельцами торгового дома стали Буйассон и Трюмель.

Это продолжалось недолго. Лен с такой настойчивостью и бесцеремонностью устанавливал свои порядки, что не прошло и полугода, как Проспер умер от разлития желчи.

*

По мере того как Лен входил в единовластное управление торговым домом, его манеры и стиль жизни менялись. Поскольку теперь он мог тратить деньги по своему усмотрению, он ни в чем себе не отказывал – особенно с того дня, как Юбер объявила о своей

беременности. По мнению врачей, она могла стать матерью лишь ценою собственной жизни; так и случилось – она умерла, произведя на свет сына, здорового и прекрасно сложенного, чьим крестным отцом стал Мартен Морисэ, прежде чем, в свою очередь, покинул земную юдоль.

Оставшись в полном одиночестве, Лен стал крайне ревниво относиться к любимым попыткам посягательств на собственную власть и теперь думал только об одном – как ограничить влияние Томасины. В этом ему помогла мадам Меринг, приведя в контору на площади Вогезов – я хотел сказать, в круг доверенных лиц, собиравшихся в конторе на площади Вогезов – некую мадемуазель Эск, профессора философии в лицее Дюру и председательницу лиги «Вифания» – общества высочайшей нравственности. Разумеется, между нею и Томасиной немедленно вспыхнула борьба – не столько за самоутверждение, сколько за право быть первой в глазах Лена. В этой борьбе верх одержала не Томасина, привыкшая, что ее благочестие дает ей множество прав, и не только в церковной жизни, а мадемуазель Эск, благодаря как своему профессорскому званию, так и протестантскому вероисповеданию, которое с точки зрения Лена наделяло ее неоспоримым преимуществом.

Хотя Лен предвидел этот конфликт и даже понимал, что сам отчасти его спровоцировал, он был смущен таким положением дел как никто другой. Он начал действовать

с особой осторожностью, готовя свой последний удар – захват и присоединение единственной торговой компании, составляющей ему реальную конкуренцию на территории Франции и возглавляемой вдовой Кенкан. И вот однажды вечером он пригласил в свой кабинет мадемуазель Белюш и мадемуазель Эск и торжественно провозгласил:

36

– Дорогие дамы, я, право, не уверен, сбылась ли моя мечта во сне или наяву! Через три недели я женюсь на вдове Кенкан, и этот брак делает меня главным во всей Европе, не считая Англии, поставщиком индийских пряностей и китайского чая. Зная, как вы обе радуете о моем благосостоянии, я решил объявить вам эту новость в первую очередь. Рад сообщить вам, мадемуазель Белюш, что вдова Кенкан – католичка; но, можете мне поверить, мадемуазель Эск, даже ради этого брака я не отступлюсь от протестантизма.

КОРИДОН*

(обобщение и дополнение)

Краткие заметки о педерастии,
гомосексуальности
и сексуальной извращенности

* Коридон – имя персонажа второй "Эклоги" Вергилия, аркадского пастуха, горестно стенающего о своей любви к "вероломному Алексису". С тех пор это имя стало символом гомосексуальной любви.

*Мое удовольствие, коль скоро оно
свободно само и не порабощает меня, не име-
ет ничего общего ни с добродетелью, ни с по-
роком, которые суть две разновидности
тирании – ни одна из них ничем не лучше
другой.*

Сексуальные извращения чаще всего являются следствием физиологической предрасположенности. Случается также, что они развиваются под воздействием обстоятельств или в результате чьего-то влияния.

Очень сложно их классифицировать. Разграничения между ними – это особый вид тайного языка, единственная причина существования которого – позволить нам различать то, что невежды и профаны обычно смешивают. Медику и психологу не стоит забывать о том, что в этих категориях есть нечто искусственное, поскольку в реальности приходится наблюдать людей, которые чаще всего не попадают ни под одну из них.

*

Под педерастом обычно подразумевают мужчину, который вожделеет юных эфебов, привлеченный их красотой. Таким образом, педерастия скорее отсылает нас к эстетике, нежели к клиническим заболеваниям. В пе-

дерасте изначально нет ничего аномального. Мне представляется, что если и возможно выделить в педерастии нечто особенное, – это будет то, что сближает ее с геронтофилией. В самом деле, некоторых молодых людей, как известно, привлекают старцы. Красота одних играет в данном случае ту же роль, что и мудрость и жизненный опыт других. Пожелаем же им встретиться.

40

*

Гомосексуальность куда более серьезна, она скрывает в себе глубокую тайну.

Гомосексуалист, вопреки тому, что хочет от него природа, более охотно ищет связей с людьми одного с ним пола, нежели противоположного. Мужчина-гомосексуалист, в отличие от педераста, предпочитает взрослых мужчин, а не подростков. Еще одно отличие от педерастии состоит в том, что эта склонность ничуть не препятствует гомосексуалистам обоого пола искать гетеросексуальных удовольствий. Но если мужчина-гомосексуалист вполне способен увлечься женщиной (как и наоборот), то все же гораздо большее удовольствие он испытывает, следуя своей аномалии, – возможно, потому, что игра в данном случае бескорыстна, возможно, потому, что тайна, сопровождающая такого рода эксперименты, усугубляет чувственные

переживания. Вот здравомыслящее суждение от гомосексуалиста: «Конечно, я вполне способен доставить удовольствие женщине – иначе говоря, разделить то, на что я неспособен ответить».

Разновидности гомосексуальности бесконечны. Большинство гомосексуалистов и не подозревает о них – как правило, самые привлекательные. Стыдливость, которую демонстрируют некоторые мужчины во время скабрёзных разговоров – наилучшее доказательство их неосознанной гомосексуальности. Замечу мимоходом – поскольку, как мне кажется, здесь это наиболее уместно, – что настойчивое стремление быть нормальным или считать себя таковым, не допускающее ни малейшего отклонения от основного сексуального инстинкта, вполне может быть свидетельством той же сексуальной неполноценности и притупленности, что и гомосексуальность, не допускающая ни малейших проявлений гетеросексуальности, презирующая противоположный пол и запрещающая себе не только любые контакты с ним, но даже малейшие проявления симпатии по отношению к нему.

41

*

Случается, что педерастия и гомосексуальность приводят к сексуальным извраще-

ниям. Извращенец чаще всего таков от рождения. Будучи мужчиной, он занимает в любви пассивную позицию, нарочито отстраняя тот орган, называть который мне представляется бессмысленным, от его основной функции, чтобы сконцентрировать его на второстепенной – которую неразумно было бы объявлять вовсе неподобающей, поскольку фаллос самой Природой предназначен для использования, так сказать, с двух концов, либо по приглашению, либо по необходимости. У женщин сексуальная извращенность следует (если не предшествует и не определяет) за оформлением и развитием того неестественного органа, который побуждает ее избирать в любовных играх, с большим или меньшим удовольствием, активную роль.

Распознать извращенца, как правило, помогает наружность. Уже издавек его физиономия, жесты, манеры, интонации, нарочито подчеркнутые детали костюма выдают его и разоблачают. Молодой человек выбирает для себя наружность девушки, женщина – образ юноши. Однако некоторым мужчинам порой удается скрыть свою «амбивалентность», и за них остается только порадоваться. Нет ничего более постыдного, чем деформация внешности, вызванная пороком. Стоило бы по крайней мере не афишировать свои стигматы.

Конечно же, мои замечания лишены всякой суровости! Меня раздражает не сам порок, а его бесстыдная демонстрация. Хва-

ла богам, сегодня никакие нравы не осуждаются – о них принято тактично умалчивать. Однако все же следует уметь себя вести, тем более если все время носишь в себе потенциальный скандал. Утонченный и хрупкий как никакой другой, сексуальный инстинкт всё более склоняется к грубым экспериментам по мере развития цивилизации. Особенно яркие тому примеры можно наблюдать во флоре и фауне, без труда проводя аналогии с человеческим родом.

43

И так далее, и тому подобное.

ЭТИ ГОСПОДА

II

*Ничто не дается легко,
но в особенности – зло.*

В глубине полутемной гостиной во время концерта я заметил, как *P.*, очень богатый человек, воспользовавшись паузой между номерами, быстро опустился на колени возле *C.* и поцеловал его руку.

С этой мимолетной демонстрацией прошло три месяца; из обворожительного подростка *C.* превратился в собственную тень, в живого мертвеца. Настала его очередь лежать у ног *P.* Тот не замедлит вышвырнуть его, чтобы заменить другим фаворитом, которого он погубит в столь же краткий срок.

С какой радостью я взял бы этого несчастного раненого эфеба на исцеление и со временем вернул к жизни! Я испытываю настоящий ужас перед теми, кто превращает свои ласки в смертельное оружие, а любовь – в разновидность убийства.

Будучи приглашен вчера вместе с *C.* на обед к *P.*, я стал свидетелем глубочай-

шего презрения, которое демонстрировал палач к своей жертве.

С. был растерян и к концу обеда совсем смешался. Выходя из-за стола, он случайно потянул за собой скатерть, и все бокалы со звоном обрушились на пол.

48 – Кажется, мой дорогой, это всё, что вы можете сделать, чтобы привлечь к себе внимание, – небрежно бросил ему хозяин дома.

Тогда я приблизился к С. и сказал ему в полный голос, так, чтобы услышали все:

– Позвольте пожать вам руку, молодой человек. Такая неловкость делает больше чести тем, кто ее совершил, чем делает другим их неизменная уверенность. Первые гораздо менее вульгарны. Мы все здесь владеем собой даже слишком хорошо – все, кроме вас. С чем я вас от души поздравляю.

В. рассказал мне, как однажды в его кабинете случайно оказалась театральная программка с портретом Х., знаменитого гомосексуалиста. Шестилетняя дочь В., зайдя вечером пожелать отцу спокойной ночи, увидела этот портрет и долго разглядывала его, не говоря ни слова. На следующее утро девочка неожиданно снова пришла в отцовский кабинет и попросила: «Папа, дай мне снова посмотреть на ту фотографию». – «Чью?» – «Девушки-мужчины».

На эскалаторе в метро, заполненном людьми сверху донизу, разговаривали двое юношей лет двадцати, очень красивых.

В какой-то момент один из них коснулся уха другого и сказал:

– Занятно – до сих пор я даже не думал о том, что у тебя есть уши.

– Дорогой мой, у меня есть еще и рот, и всё остальное.

– Ну да. Но теперь, когда я об этом узнал, это меня смущает.

49

«У Граффа»:

Человек средних лет с крючковатым носом, взглядом святого Игнатия и величавостью императора, сидит, поставив между колен зонт, в окружении двух эфебов; из всех троих только он держится без всякого стеснения. Один из его спутников кажется бескостным, точно угорь; его плечи и лоб одинаково узки, руки плотно прижаты к телу, словно непригодны ни для какой работы. Губастый рот напоминает воронку и выглядит почти непристойно. Шея как будто одеревенела – он не может повернуть головы, не повернувшись всем корпусом, что вынуждает его таращить глаза, которые почти вываливаются из орбит, похожие на два стеклянных шара. Видно, что это верный сообщник своего покровителя.

Второй явно хочет избавиться от их общества, но крошечный кусочек пурпурного

стекла, украшающий его мизинец последние несколько часов, удерживает его на месте. Чувствуется, что если он попробует взбунтоваться или просто встанет с места, чтобы уйти, его глаза, как и глаза двух других, произвольно обратятся на то, что он считает рубином. Это магическое светило ценой в несколько су озаряет и соединяет всех троих в некое инфернальное созвездие.

Входит гигант, в чертах лица и манерах которого есть нечто одновременно от каторжника, мясника и джентльмена, – скорее всего, немецкий офицер, – в сопровождении юного пажа, рыжевато-белокурого и печального.

Поскольку телосложением первый напоминает огра из гофмановской сказки, его одежда явно сшита на заказ – и всё равно готова затрещать по швам от любого его жеста. Из подбитых мехом перчаток время от времени появляются ухоженные бледные руки, которые перемещаются между многочисленными предметами, стоящими на столе, и своими уютными меховыми обиталищами, словно ручные детеныши кенгуру. Двое недавних знакомцев не понимают языка друг друга, поэтому общаются лишь посредством непристойных картинок, которые поочередно рисуют на скатерти. Этот странный диалог прерывается лишь взрывами грубого хохота гиганта и льстивыми улыбками купленного им раба. Когда они встают, собираясь уходить, всеоб-

щее осуждение становится настолько заметным, что юный Ганимед чуть задерживается, словно давая понять, что покинет ресторан в одиночестве, и делает вид, что внимательно изучает рисунки на скатерти и рассыпанные между ними крошки, – но поскольку Вотан пристально смотрит на него с улицы сквозь стекло, вся тщета этих жалких маневров очевидна.

51

– Поскольку ничем другим, кроме этого, он не интересуется, он только это и видит повсюду. Так нельзя! Есть и другие вещи в жизни.

– Да нет, милый мой, так уж заведено, что каждый увлечен своим, и это своё у всех разное. Оно и к лучшему – у каждого только одна пара глаз, а если смотреть на две вещи сразу, не увидишь ни одной. Иначе говоря, ничего не полюбишь (любить – значит видеть). Так и помрешь, как будто не рождался. Иногда и одну-то вещь не успеваешь толком разглядеть.

Уличный подметальщик, красивый малый, движется по устилающему тротуар ковру опавших листьев, сжимая в руках свой атрибут и прикрыв глаза. Его движения не хаотичны, а подчинены особому ритму: ноги следуют за руками, делая шаг, когда те замирают. Я изучил этот ритм лучше,

чем он сам, – по изображениям танцоров на античных вазах.

52

Сегодня, жарким июльским днем, в два часа пополудни, на рю Ренуар почти ни души – только двое рабочих из службы городской канализации. Один из них, гигант атлетического телосложения, по пояс обнаженный, с висящим на поясе алюминиевым фонарем, собирается спуститься в открытый люк, но перед этим изображает в лицах боксерский матч, на котором, очевидно, присутствовал накануне – исключительно для собственного развлечения, поскольку его компаньон курит, повернувшись к нему спиной.

Не будь меня, единственного зрителя, вся естественная красота этого импровизированного представления пропала бы даром! На мгновение он поворачивается ко мне в профиль и склоняет голову, так что она оказывается точно на середине его торса, словно замещая фонарь, который он передает своему напарнику. И в довершение всего, словно павлин, распускающий хвост, он делает «колесо» вдоль всего тротуара. Я как будто наяву увидел ожившего «Копьеносца» Поликлета, демонстрирующего все приемы древнего искусства борьбы ради меня одного.

В маленьком частном автобусе иезуитского колледжа четверо учеников сидят с книжками по углам, прилежно повторяя уроки,

а пятый, необыкновенно красивый, лежит, вытянувшись поперек сиденья, с мечтательно-рассеянным видом – судя по всему, получив на то позволение, хотя бы и молчаливое, от сидящего напротив отца-иезуита, который избегает на него смотреть, опасаясь, вероятно, что эта преходящая красота заставит его позабыть о вечности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Одна весьма достойная пожилая дама, не чуждая религии, однажды сказала мне доверительным тоном:

– Мой жизненный опыт, который я ни в коем случае не призываю вас повторить, друг мой, – научил меня, что некоторые добродетели, зашедшие слишком далеко, способны принести больше зла, чем общепризнанные пороки.

И добавила:

– Всякий раз, когда мне говорят о ком-то «Он святой!» – меня бросает в дрожь. За очень редкими исключениями подобные люди невыносимы. С тех пор как род людской, дурной от природы, вознамерился стать хорошим, в мире нет покоя. Счастья можно достичь, только если во всем знаешь меру. Чувство меры – это мудрость, которая одинаково легко приспосабливается и к добру и к злу, принося всем благо.

Когда грех совершает человек возвышенной души, он возносит этот грех так высоко, что почти преображает его природу. Когда,

напротив, человек заурядный творит добро, он умаляет, принижает, опошляет его до такой степени, что от него остается лишь видимость.

58 Душевное благородство не имеет отношения к тяжести греха, которая чаще всего зависит от обстоятельств, но лишь к качеству греха, столь важному самому по себе, что справедливо будет сказать, по аналогии с тем, что нет болезней, а есть только больные, – что нет грехов, а есть лишь грешники. В самом деле, многие пороки обладают величием, которого зачастую лишены некоторые добродетели.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Марсель Жуандо

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАРОСТИ И СМЕРТИ

Приближаясь к семидесятилетию, Марсель Жуандо стал наблюдать за признаками своего старения и написал эту книгу о подготовке к смерти и постепенном расставании с радостями и заботами. Смерть входит в человека тайно, неслышно, словно заноза. Жуандо признавался, что одержим своей смертью и ждет ее, как ждут торжественного испытания. Он попытался лежать в гробу и осознал ужас полного оцепенения, отказа от проявлений жизни.

Марсель Жуандо

ЛЮБИТЕЛЬ НЕОСТОРОЖНОСТИ

Вычурный, фантастический роман "Любитель неосторожности" (1932) не похож на другие книги Марселя Жуандо и отражает его недолгое увлечение сюрреализмом. Главный герой – таинственный Брис Обюссон – это сам Жуандо, которого друзья называли Кардиналом, его подруга Наталина – эксцентричная светская дама Нэнси Кунард, Бариэль – писатель Рене Кревель, д'Эристалль – любовник Кревеля, художник Юджин Маккаун. Впервые в этом романе Жуандо решился намекнуть на свою гомосексуальность, рассказав о мистической связи Обюссона с Липсе Дулье, "демоном из Орвието".

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Марсель Жуандо.

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАГИИ, ВОРОВСТВЕ
И НЕОСТОРОЖНОСТИ**

Воровство сродни магии, а жесты искусных взломщиков не менее величественны, чем движения рук священников. Марсель Жуандо размышляет о руках вора и о его душе, описывает своих знакомых, одержимых поэзией авантюры и желающих во что бы то ни стало раздобыть вожделенный предмет. Пожива сама по себе ничего не значит; элегантность исполнения – вот что преобразует кражу в героическую эпопею.

Марсель Жуандо

ЛУЧШЕ ОШИБКА, ЧЕМ СКАНДАЛ

Злой гений, управляющий человеческими судьбами, решил в начале XX века погубить семью зажиточных буржуа из Шаминадура — так Марсель Жуандо называл город Гере, в котором он вырос. Цикл романов о Шаминадуре и его обитателях принес Жуандо всемирную славу.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo» Таганская ул., 31/22

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
«Борхес» наб. Обводного канала, 60
«Все свободны», наб. Мойки, 28, второй двор
«Петербургская книжная лавка», Невский проспект, 66

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
"Книга" kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chacoppe.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться в
ооо «Медленные Книги», тел. (495) 971-47-92

Все книги издательства можно заказать
в редакции на сайте kolonna.mitin.com

Марсель Жуандо
ЭТИ ГОСПОДА

Kolonna Publications.

Россия, Тверь, переулок Трудолюбия, 45, офис 1

